

Вольский Михаил Валентинович

ОПЫТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена проблемам становления профессиональной подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы в России в конце XIX - начале XX в. В частности, внимание уделено проблемам формирования системы управленческих структур и разработке их функций, а также подготовке тюремных надзирателей на высших тюремных курсах в Санкт-Петербурге.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. I. С. 56-59. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

12. Гурова О. Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). С. 78–83.
13. Ефремова Л. К. Умеете ли вы красиво одеваться // Работница. 1960. № 7.
14. Журавлёв С., Гронов Ю. Власть моды и Советская власть: история противостояния // Историк и художник. 2006. № 4 (10). С. 106–116.
15. Кимерлинг А. Платформа против калош, или Стиляги на улицах советского города // Теория моды. 2007. № 3. С. 81–99.
16. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 544 с.
17. Колчинская Н., Салганова Л. Проследите за собой, пожалуйста // Работница. 1960. № 6.
18. Корягин В. Спекулянты // Советская Сибирь. 1956. 22 декабря.
19. Лебина Н. Б., Чистяков А. Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущёвского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 342 с.
20. Левашова А. Что предлагает мода // Работница. 1960. № 4.
21. Мерцалова М. Что чересчур, то плохо // Работница. 1964. № 11.
22. Осколкова Т. Собираясь в отпуск // Работница. 1962. № 5.
23. Поликовская Е. Как красиво одеваться // Работница. 1954. № 4. С. 29–30.
24. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Фарца: подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. № 5. С. 62–68.
25. Семёнова Е. В. Поговорим о современной моде // Работница. 1960. № 9.
26. Тамм Л. И. Записки иркутянки. Иркутск: Отгиск, 2006. Ч. 3. 247 с.
27. Цесевичене О. А. «Свое – чужое» в русской моде XVII–XX веков: философско–культурологический анализ: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Омск, 2011. 23 с.
28. Юшкова А. Александр Игманд: «Я одевал Брежнева...». М.: Новое литературное обозрение, 2008. 128 с.
29. Яковлева Е. Выдумка, терпение, вкус. Как одеваются наши французские подруги // Работница. 1956. № 7. С. 28–29.
30. Ятина Л. Мода глазами социолога: результаты эмпирического исследования [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 120–131. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/223/542/1216/009Yatina.pdf> (дата обращения: 25.09.2012).

FASHIONABLE STANDARDS ADAPTATION IN SOVIET SOCIETY DAILY LIFE

Irina Vladimirovna Vinichenko, Ph. D. in History
Irina Valentinovna Lashina, Ph. D. in Technical Sciences, Professor
Department “Apparel Design”
Omsk State Institute of Service
irvin61@mail.ru; ogiskshi@mail.ru

The authors consider the techniques of fashionable images and cultural-aesthetic standards adaptation in a large regional center population’s daily life, pay special attention to declared fashionable trends transformation into really existed suits, and come to the conclusion that citizens developed their own strategies for implementing aesthetic requirements in everyday practice under the conditions of inability to fully satisfy their needs in fashionable clothes.

Key words and phrases: daily life; soviet fashion; fashionable images; cultural-aesthetic clothes standards; soviet citizens’ tastes and fashionable preferences.

УДК 37/376

Педагогические науки

Статья посвящена проблемам становления профессиональной подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы в России в конце XIX – начале XX в. В частности, внимание уделено проблемам формирования системы управленческих структур и разработке их функций, а также подготовке тюремных надзирателей на высших тюремных курсах в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова и фразы: уголовно-исполнительная система; имперская тюрьма; пенитенциарная педагогика; профессиональное пенитенциарное образование.

Михаил Валентинович Вольский

*Отдел по работе с личным составом
Воронежский институт ФСИН России
mv1973@bk.ru*

ОПЫТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА ©

Ряд процессов, происходящих сегодня в Российской Федерации, характеризуется преобразованиями в политической, экономической и социальной сферах жизни общества, направленных на преодоление кризисных явлений, имевших место в жизни России в конце XX века.

В сложившихся условиях возрастает роль специальных органов государства, деятельность которых направлена на борьбу с преступностью. В системе этих органов особое место занимают учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, - пенитенциарные учреждения. Реализуя меры государственного принуждения, уголовно-исполнительной системой за многовековую историю накоплен богатый опыт в сфере исполнения наказаний.

Система профессионального образования пенитенциарного персонала в России берет свое начало еще со второй половины XIX века. В те годы тюремная система испытывала серьезные трудности с комплектованием кадров, и связано это было не только с низкой престижностью службы и отсутствием в связи с этим должного денежного содержания, но и с недостатком квалифицированных служащих всех звеньев тюремной кадровой иерархии.

Российская тюремная система на рубеже XIX-XX вв. имела в своей основе достаточно серьезную правовую базу, разработка которой осуществлялась главным образом в течение 30-90-х гг. XIX века. Так, одними из основополагающих правовых документов определяющими содержание деятельности системы исполнения уголовных наказаний были - Устав о содержащихся под стражею (1890 года с изменениями 1906, 1908 и 1909 годах) и Устав о ссыльных (1909 года) [5, с. 3427-3548]. Основные нормы этих уставов базировались на положениях Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею и ссыльных 1832 г., который, в свою очередь, выбрал в себя нормы отдельных частных инструкций (Московской 1804 года и Петербургской 1819 года), регламентировавших некоторые вопросы организации тюремного быта, и Общей тюремной инструкции 1831 года, впервые в истории российского государства объемно и всесторонне определившей деятельность системы мест заключения, порядок и условия отбывания арестантами наказания, формы и методы воздействия на них.

Особое внимание в ходе тюремной реформы второй половины XIX века в Российской империи уделялось формированию системы управленческих структур и разработке их функций. Такая система была создана. К ней относились Министерство юстиции и Главное тюремное управление с широкими полномочиями, а также губернаторы и губернские правления с тюремными отделениями в составе губернского тюремного инспектора, его помощника со штатом служащих, выполняли функции по управлению и надзору за деятельностью пенитенциарных учреждений на местах. К тюремной администрации во главе с начальниками тюрем и их помощниками относились также священники, дьяконы и псаломщики при местах заключения, врачи и фельдшеры. В низовом звене особое место занимала тюремная стража — старшие и младшие надзиратели, в обязанности которых входило обеспечение надзора за лицами, отбывающими наказания в виде тюремного заключения.

Примечательно, что из вышеописанной системе управления местами заключения закон выделял отдельные места заключения, расположенные в городах Санкт-Петербурге, Царском Селе и Москве, соподчиненность и порядок регулирования деятельности которых отличались от общего правила: они принадлежали ведению Санкт-Петербургского и Московского губернаторов. Для наблюдения за местами заключения в этих городах учреждались особые наблюдательные комиссии в составе представителей, избираемых городскими думами, лиц прокурорского надзора, членов благотворительных тюремных комитетов, а также членов, назначаемых министром юстиции.

Сложность комплектования и закрепления кадров надзора вызывала необходимость установления законом ряда льгот, которые обеспечивали моральный и материальный интерес продолжения службы в тюремной системе. Тюремные надзиратели освобождались от призыва из запаса в армию и в действующие команды флота, а также службы в государственном ополчении. При условии безупречной службы в тюремной страже в течение пяти лет назначенный им оклад денежного содержания увеличивался на одну треть; прослужившим десять лет к окладу добавлялась еще одна треть; прослужившим пятнадцать лет назначался за дальнейшую службу двойной оклад содержания.

В числе основных структурных звеньев тюремной системы служба охраны занимала одно из основных мест. Охранная функция обеспечивала главное требование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы — надежность изоляции заключенных. В условиях царской тюремной системы эту функцию выполняли две службы: тюремная стража в составе старших и младших надзирателей, обеспечивающая внутренний надзор и внешний караул мест заключения; и конвойная стража, правовое положение которой, условия и порядок организации и несения службы регламентировались Уставом конвойной службы, утвержденным царским Указом в июне 1878 года с последующими изменениями в редакции 1907 года [4].

Закон 13 июня 1887 года ввел в управление тюрьмами на местах, кроме начальников тюрем и их помощников, также их помощниц или смотрительниц женских отделений и состоящих при местах лишения свободы священников, дьяконов, псаломщиков, врачей, фельдшеров и фельдшерниц. Этот закон (ст. 26 тома XIV, изд. 1890 года) ввел в тюремную стражу тюремных надзирательниц для надзора за содержащимися лицами женского пола. Таким образом, женщины-арестантки были, наконец, освобождены от тягостной для них мужской стражи. Впрочем, слова закона нередко расходились с практикой, и женский надзор не был введен повсюду [1, с. 19].

Одной из основных причин, влияющих на кадровую политику и профессиональную подготовку кадров для пенитенциарного ведомства, рассматривалось отсутствие надлежащей и четкой регламентации в профессиональной деятельности, а также отсутствие в центральном аппарате специального подразделения, осуществляющего и курирующего систему отбора и подготовки собственных кадров.

В начале XX века Главным тюремным управлением высказывалась мысль о создании образовательного заведения для тюремного персонала. В 1914 году инспектор Главного тюремного управления Н. Ф. Лучинский

выступил инициатором создания в Санкт-Петербурге двухлетнего тюремного лицея закрытого типа при образцовой одиночной тюрьме (на Выборгской стороне), куда принимались молодые люди, окончившие средние учебные заведения, преимущественно военные, а также состоящие на службе офицеры. Целью лицея ставилась основательная подготовка будущих тюремных деятелей к тюремной службе. Ключевой идеей выдвигалось их ознакомление с областью научных понятий о преступлении и наказании, с историческими и настоящими системами уголовного наказания, а также обучение слушателей искусству управления тюрьмой. Предполагаемая численность выпускников ежегодно составляла 50 человек, «что было вполне достаточно для нужд тюремного дела» [2, с. 18].

В развитие своих начинаний Главное тюремное управление в 1909 году разработало проекты законодательных актов об учреждении в Санкт-Петербурге высших тюремных курсов и школы старших тюремных надзирателей, а в Москве - школы тюремных надзирательниц.

Первостепенное значение в данном образовательном проекте отводилось высшим тюремным курсам, при которых планировалось устройство особого музея и библиотеки. Предполагалось, что курсы будут посещать не только тюремные служащие, но и все желающие должным образом подготовиться к тюремной службе, окончившие высшие или средние учебные заведения, юристы и военные. Самое активное участие в создании высших тюремных курсов принимали представители отечественной науки, в частности, профессор Петербургского императорского университета А. А. Жижиленко, впоследствии один из основоположников пенитенциарного права России. Ученый высказал свои предложения по организации процесса и изучению различных предметов на курсах тюремоведения. А. А. Жижиленко считал, что занятия необходимо было проводить не менее двух раз в день в течение года; учебное время следует разбить на два семестра – осенний и весенний, при этом набор слушателей должен составлять не менее 60 человек. Признавалось целесообразным проведение лекций и собеседований по отдельным отраслям тюремного управления и хозяйства, антропологии и дактилоскопии, общим вопросам пенитенциарной науки с приглашением лиц, не состоящих преподавателями курсов, т.е. практических работников. Практическая подготовка предполагалась при тюрьме. По окончании курсов каждый слушатель обязан был представить краткий обзор полученных знаний.

Однако руководство Главного тюремного управления шло в своих планах гораздо дальше, чем только лишь курсовая подготовка квалифицированного персонала для нужд ведомства. Обозначенные курсы рассматривались как первоначальная ступень (в современном понимании – опытно-педагогическая площадка) для создания в будущем высшего пенитенциарного учебного заведения. Тюремные курсы были рассчитаны на то, чтобы в возможно короткие сроки (определяемые сроком до 1,5 месяцев) осуществить дополнительную профессиональную подготовку работников тюремного ведомства. Число слушателей определялось начальником Главного тюремного управления ежегодно. Из общего числа обучаемых можно выделить две группы: лица, уже занимающие штатные должности, и лица, желающие впервые поступить на службу в тюремное ведомство. Для первых - курсы были возможностью повысить свою квалификацию, а вторые посредством курсов получали первоначальную пенитенциарную подготовку. При этом преимуществом зачисления на курсы пользовались лица, имеющие высшее юридическое образование или состоящие на действительной военной службе в офицерском чине. За слушателями, состоящими на службе, сохранялось денежное довольствие по месту службы, а успешно закончившие обучение имели преимущество при продвижении по служебной лестнице.

Первые занятия на высших тюремных курсах в Санкт-Петербурге начались 1 марта 1912 года и продолжались до 10 июля 1912 года. Среди преподавателей преобладали сотрудники главного тюремного управления, которые свои лекции посвящали вопросам истории и современного состояния пенитенциарных учреждений России и за рубежом, рассмотрению проекта общей тюремной инструкции, правам и обязанностям тюремного персонала, тюремному хозяйству и строительству, воспитательно-исправительным заведениям для несовершеннолетних, тюремной гигиене [3, с. 1207-1208].

Санкт-Петербургская школа для подготовки кандидатов на должности старших тюремных надзирателей состояла при Санкт-Петербургских местах заключения. Непосредственное руководство данной школой осуществлял начальник, назначаемый руководителем Главного тюремного управления. Именно он лично устанавливал внутренний распорядок школы, издавая соответствующие правила, определял учебную программу, а также назначал преподавателей. Курс обучения был рассчитан на четыре месяца по два набора в год: с 15 января по 15 августа и с 15 августа по 15 декабря. В школу принимались исключительно младшие тюремные надзиратели, которые прослужили в тюрьме не менее двух лет. Направляемые в школу лица получали пособие на проезд и суточные на время пути. В период обучения за слушателями сохранялось их служебное денежное содержание, и сверх того они обеспечивались продуктами и квартирой. После окончания выпускники школы пользовались преимуществом при замещении вакантных должностей старших надзирателей.

По нашему мнению, именно в описываемые годы были созданы качественные предпосылки для последующей подготовки квалифицированных работников для пенитенциарной системы, а опыт тюремных курсов царской России был не только не забыт, но и успешно использован в дальнейшем, в частности, при профессиональной подготовке тюремных служащих в период между двух революций в феврале-октябре 1917 года. Однако события, произошедшие в России после октября 1917 года, предопределили дальнейший ход развития данного направления в истории уголовно-исполнительной системы нашей страны.

Тем не менее, опыт, полученный на рубеже XIX-XX вв., сегодня, в связи с приведением в жизнь политики реформирования пенитенциарных учреждений России, представляет несомненный интерес для изучения и обобщения его в рамках указанной практики.

Список литературы

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. Т. 3. 400 с.
2. Лучинский Н. Ф. Основы тюремного дела. СПб.: Ред. журн. «Тюрем. вестн.», 1904.
3. Опыт систематических чтений по тюремоведению при Главном тюремном управлении // Тюремный вестник. СПб., 1912. № 6-7. С. 1207-1208.
4. Устав конвойной службы. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1907. 140 с.
5. Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи (СЗРИ). СПб.: Дьятель, 1912. Т. 14. С. 3427-3548.

**EXPERIENCE OF PENAL ENFORCEMENT SYSTEM PERSONNEL PROFESSIONAL TRAINING
IN RUSSIA AT THE END OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY****Mikhail Valentinovich Vol'skii***Department of Work with Personnel**Voronezh Institute of the Federal Service for Execution of Punishment**mv1973@bk.ru*

The author considers the problem of the penal enforcement system personnel professional training formation in Russia at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century, and in particular pays attention to the problems of administrative structures system formation and the development of their functions, as well as the training of prison guards at advanced prison courses in St. Petersburg.

Key words and phrases: penal enforcement system; imperial prison; penitentiary pedagogy; professional penitentiary education.

УДК 77.16

Культурология

В статье анализируется влияние фотографии на становление визуально-вербальных отношений между человеком и новыми медиа. На начало XX века приходится изменение не только образа жизни людей, но и личностного восприятия и оценки действительности. Через призму становления фотографии как источника подачи и кодирования информации мы прослеживаем трансформацию эстетических взглядов, мировоззрения и культуры русского общества рубежа XIX–XX вв. Оптические медиа сумели соединить картинку и динамику, изображение и слово. Рассмотрение фотографии как первого оптического медиа позволяет исследовать проблему становления кино и телевидения, особенностей аккумуляции в них визуального и вербального.

Ключевые слова и фразы: фотография; кино; образ; восприятие; генезис фотографии; медиа.

Екатерина Александровна Воронцова*Кафедра культурологии**Воронежский государственный университет**katvorontjur@mail.ru***ФОТОГРАФИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.
КАК СТИМУЛ РАЗВИТИЯ ОПТИЧЕСКИХ МЕДИА[©]**

Вопросу о коренных изменениях в сознании человека под влиянием медиа одним из первых посвятил свое исследование канадский ученый и теоретик культуры Г. М. Маклюэн. Он анализировал отдельные медиа, начиная с «древних приобретений» [5, с. 12] человека – речи, письма, дорог, чисел, денег, часов, комиксов, игр, и заканчивая новейшими – телеграфом, телефоном, кино, радио. Под понятием «медиа» Маклюэн подразумевает изначальное его значение – «посредник», иначе, «средство». Пытаясь вывести универсальный закон, Г. М. Маклюэн стремился обозначить правила, применимые ко всей системе коммуникации: «Тип и форма медиа важнее того значения или содержания, которое оно передает» [Там же, с. 15], т.е. сама форма средства коммуникации меняет наше сознание.

Визуальность, обеспеченная фотографией, заинтересовала людей и обусловила непереносимое доверие общества рубежа XIX–XX вв. к изображенному на снимке. Во время расцвета фотографии в начале XX века человек осознал, что снимок может визуально заменить увиденный однажды предмет, надолго сохранить его в памяти «ибо фотография в отличие от искусства не творит из материала вечности, она только мумифицирует время, предохраняя его от самоуничтожения» [1, с. 45].

Можно сомневаться в рисунке, тщательно выполненном живописцем, потому что он никогда не будет обладать в человеческом восприятии силой фотоснимка, который принуждает верить в реальность: «несмотря на возражения нашего критического разума, мы вынуждены верить в существование представленного предмета, то есть предмета действительно воссозданного, ибо благодаря фотографии он присутствует во времени и пространстве. Фотография заставляет реальность оптически перетекать с предмета на его репродукцию» [Там же, с. 44].